

КОНЕЦ ИСТОРИИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

Карбущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, Татищева, 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2011 гг. всколыхнул не только биржи и банки, но и породил мощное антикапиталистическое общественное движение, вызвал живую научную дискуссию о судьбах мира вообще. Крушение устоев индустриального мира будет означать и смену критериев жизни, в том числе и общественно-политической. Развивающийся в настоящее время мировой финансово-экономический кризис, автор склонен рассматривать как кризис переходного периода, знаменующий смену индустриальной эпохи эрой постиндустриализма.

Ключевые слова: мировой финансово-экономический кризис, глобализация, постиндустриализм, элита, плутократия, конфликт цивилизаций, меритократия, неолиберализм, «демон финансов»

THE END OF HISTORY ANGLO-SAXON MODEL OF GLOBAL DEVELOPMENT

Karabushchenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatischev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

The global financial and economic crisis of 2008–2011's. stirred up not only the stock exchange and banks, but also spawned a powerful anti-capitalist social movement, has caused lively scientific discussion about the fate of the world in general. The collapse of the pillars of the industrial world, will mean changing the criteria of life, including social and political. Developing at the present time the global financial and economic crisis, the author is inclined to regard as a crisis of transition, which marks the shift of the industrial era the era of post-industrialism.

Keywords: global financial and economic crisis, globalization, post-industrialism, elite plutocracy, the clash of civilizations, meritocracy, neoliberalism, the «demon of Finance»

Мировой финансово-экономический кризис, который сегодня переживает всё «прогрессивное человечество», по всей видимости, станет концом для монополии западной (прежде всего, англосаксонской) модели цивилизации. Предложенный Западом проект глобализации (монополярный мир) не устраивает даже ближайших союзников Вашингтона (ЕС), не говоря уже о странах третьего мира (КНР, Индия, РФ, Иран и др.). То, что мы сегодня наблюдаем, может быть расценено как «конец англосаксонской истории». Перед нами самый настоящий крах англосаксонской модели развитого индустриализма. Крах не столько финансовый, сколько моральный. После него уровень доверия к словам и делам представителей этой модели будет ничтожно мал. Именно англосаксонская цивилизация стала символом колониализма и расизма. Именно они в наибольшей степени возмнили себя самой передовой нацией, гегемоном мирового порядка. Именно они являются лидерами в области получения Нобелевских премий, всевозможного рода «Оскаров» и т.д., в области науки,

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2012-1.2.1-12-000-3006-022 «Вызовы и угрозы этнополитической безопасности Юга России: Прикаспийский вектор социально-политической стабильности российского государства»).

культуры и спорта. В общем, как достижений, так и грехов у этой нации предостаточно. Длительное время она доминировала, но вот и ей пришел свой закономерный «конец истории».

Кризис англосаксонской модели мира. Все признают, что кризис спровоцировали «жирные коты» с Уолд Стрит. Что кризис стал свидетельством эгоизма капитализма в его нынешней форме и его финансово-экономической несостоятельности. Всё это указывает на то, что современный кризис свидетельствует о закате мировой англосаксонской гегемонии. Складывающиеся в настоящее время реалии таковы, что им в дальнейшем придется все чаще делиться со своими лидерскими полномочиями с другими странами, которые встали или встанут с ними вровень (после Лондонского саммита «G 20» (02.04.2009) американцы отдали единоличный контроль над Международным валютным фондом. А именно в руках МВФ все еще остаются очень серьезные ресурсы регулирования мировой экономики [4, с. 6].).

В СМИ всё чаще можно услышать о том, что англосаксы своим геополитическим лидерством довели мировое сообщество до глобального кризиса. Так, по оценкам политических наблюдателей, Лондонский саммит «G 20» (02.04.2009) не выработал конкретных рецептов по борьбе с мировым кризисом, но имел совершенно ожидаемые итоги. «Один из них – это если не похороны англосаксонской модели глобализации, то ее отпевание. Это ещё не новый миропорядок, но уже его зачатие» [14, с. 6]. Некоторые политические наблюдатели уже характеризуют «G 20» как «постамериканский мир»: «Хотя председательство Америки востребовано, оно выглядит двусмысленно, как председательство при собственных похоронах» [12, с. 6].

Для экспертов очевидно, что мир после кризиса будет совершенно иным. Американская экономическая и военная мощь уже не будут главным стимулом мирового экономического роста. Разрушился миф о том, что свободная капиталистическая конкуренция является залогом индивидуального процветания и стабильности. «Капиталистический неолиберализм с его «невидимой рукой рынка» мертв. И скоро мы увидим борьбу между США, ЕС, Японией, с одной стороны, и всем остальным миром – с другой, за передел финансовых рынков» [8, с. 6]. Но поскольку никто не знает, как выходить из этого кризиса, действенных механизмов по его преодолению не найдено и ситуация просто затягивается.

Видный британский экономист и философ Роберт Скиделски в январе 2009 г. предрекал «возможное возвращение к эгоистическому капитализму». По его мнению, «неоконсерватизм пытался оправдать невероятные вознаграждения финансовой plutократии, в то время как средние доходы стагнировали или даже падали... Подобная система должна быть потрясюще успешной, чтобы к ней испытывали лояльность» [2, с. 6].

Та модель, которая сложилась на Западе в 1970–1980-х гг., была навязана миру Р. Рейганом и М. Тэтчер. Низкий уровень жизни был тогда компенсирован за счет дешевой ипотеки и деривативов (финансовые институты, цены на которые рассчитываются, исходя из стоимости базовых активов – например, золота, нефти, но не обязательно обеспечены ими). По мнению гендиректора Агентства политических и экономических коммуникаций Д. Орлова, «почти 30 лет эта система работала. Теперь пузырь деривативов сдулся. Благополучие низшего и среднего классов оказались под угрозой. Именно этим, а не какими-то благими пожеланиями обусловлен поворот к другой модели социально-экономической политики» [11, с. 6].

В самом конце XX в. в США возобладали идеология Лео Штрауса, главным проводником которой стала администрация Дж. Буша-младшего. Суть этой «философии» заключается в том, «низзы» надо постоянно обманывать, т.к. сами они не в состоянии разобраться в происходящем. Основополагающий тезис: «Те, кто подходят для правления, осознают, что нравственности нет и что есть только одно естественное право – право высших царить над низшими (в наиболее грубой форме эту идеологию олицетворял вице-президент США 2000–2008 гг. Дик Чейни)» [2, с. 6].

Теперь несколько слов о России. На протяжении последних трехсот лет (начиная с реформ Петра I, которого все ошибочно называют почему-то «Великим»), Рос-

сия воспринималась самим туманным Альбионом как одна из главных континентальных угроз её морского могущества. Англосаксы были, скорее всего, скрытыми врагами России, чем её потенциальными союзниками. Поэтому падение их мирового могущества должно пойти ей на пользу. Но только Россия должна воспользоваться этим представившимся ей случаем, как в свое время всё те же англосаксы воспользовались в своих интересах (правда, не долго) падением СССР.

Для этого Россия должна уловить свой долгосрочный тренд. Тот самый, который станет её базовым символом в XXI столетии. Именно он может стать ее национальной идеей этой новой исторической эпохи. При этом важно ни в коем случае не подражать и не поддаваться влиянию все той же западной (по большей части англосаксонской) традиции. Важно, наконец, осознать, что у России свой путь, по которому идем именно мы, а не всё те же англосаксы, или монголы. Они свой путь в том направлении уже прошли. Дайте теперь нам самим пройти его без чьего-либо вмешательства. Россия ни в коем случае не должна брать на себя ответственность на ныне разразившийся кризис. Пускай теперь каются англосаксы. Это их вина, это их крест, пускай они его сами и несут. А англосаксам как раз будет сейчас крайне выгодно свалить свой грех и свою ответственность на кого-нибудь еще. С кем-то в союзе его нести им будет, несомненно, гораздо легче. Сейчас наступает момент истины. Сейчас человечеству особенно важно посмотреть на то, как англосаксы смогут в одиночку (т.е. самостоятельно) справиться с тем, что они натворили в глобальном масштабе. Это момент истины всей их цивилизации. Так не будем им мешать самостоятельно принимать судьбоносные решения. Весь эгоизм и всё лицемерие политико-финансовых деятелей этой нации последнего столетия выйдут наружу, если англосаксы останутся один на один с вызовом нынешнего времени. А их именно один на один и следует оставить, ради их же собственного блага. Чем раньше наступит трезвление этой нации от своего головокружительного успеха последних двух столетий, тем легче будет их народам преодолеть этот кризис. Речь идет именно о народах, а не об их элитах. Элиты достойны того, чтобы оказаться на свалке истории. Причем не только их, но и многих других, которые потакали им в этом глобальном безумии.

На сегодняшний момент истории англосаксы выработали весь свой творческий ресурс. Нынешний системный кризис – это кризис их творческой мысли. Они в последнее время слишком понадеялись на свои развитые политтехнологии (в частности, «черный PR») и стали действовать весьма шаблонно, трафаретно, чаще имитируя креативность, чем на самом деле ей следуя. Их политика всё больше напоминает Голливуд, а политики – шоуменов. В итоге их креатив окончательно превратился в «черный PR». А «черный PR» может привести политика лишь к тактическому успеху, но полностью обанкротить его в стратегическом плане. Что, собственно говоря, и произошло. Сегодня мы как раз и видим стратегический закат англосаксонской модели капитализма. Но ирония истории заключается в том, что именно сами англосаксы (а точнее отдельные её наиболее «трезвые» элементы) заранее предвидели сие крушение и разработали схему выхода из неё. Имеется в виду теория постиндустриализма, разработанная англо-американской социологией XX в. (М. Янг, Д. Белл и др.). Мировой финансовый кризис и последовавшая за ним рецессия могут поставить жирную точку в проект под названием глобальный англосаксонский проект. Англосаксы понадеялись на свою капиталистическую святость и прогадали.

Святость англосаксонского капитализма оказалась иллюзорной, а все его святое на поверку оказалось прагматизмом и утилитаризмом давно уже прошедшей исторической эпохи. С таким багажом вступать в новый постиндустриальный XXI в. срамно. Срамно потому, что именно эти страны в конце XX в. самопровозгласили себя локомотивами постиндустриализма, и не справились с этой ответственной исторической миссией. Миссия для них оказалась не выполнимой. Теперь все ищут, кто бы смог ее выполнить в реальности, а не просто возложить ее на себя в декларативных целях. Спекуляция на эту тему ныне не уместна. «Постиндустриальный локомотив» оказался на самом деле «индустриальным паровозом». Реальность выявила, что она

являлась на самом деле всего лишь удачно законспирированным мифом. Миф и лопнул при первом же потрясении разразившегося кризиса.

Быть может, для самих англосаксов сегодня лучше перестать быть «англосаксами», т.е. разделиться – отдельно «англы» (Британия), отдельно «саксы» (США). Быть может, порознь им и удастся сохранить свою идентичность и с честью выйти из созданного ими же самими кризиса. А самое лучшее свалить ответственность за него на мировое сообщество, или отдельно на какую-либо конкретную нацию-цивилизацию – китайцев, арабов или все тех же русских. Русским не привыкать. Они давно уже стали «козлами отпущения» англосаксонской всемирной истории. Одним «козлом» больше, одним меньше...

Внешняя политика США – это умелое сочетание «мягкой мощи» (soft power) и «жесткой силы» (hard power) в интересах собственной элиты. Но мировой кризис уже внес свои коррективы в это правило. Кризис не просто перечеркнул все умственные достижения «Великой шахматной доски» З. Бжезинского, но и разломал ее на мелкие кусочки. Сам «великий геополитический шахматист» ныне призывает США изменить тактику своей «шахматной партии» уже приведшей ее к предматовому состоянию, и заключить новый альянс на сей раз с Китаем.

Вице-президент США Джозеф Байден признался, что «прошло время, когда США односторонне диктовали, время, когда только мы говорили и не слушали» [1, с. 7]. Но США должны еще научиться слушать других, поскольку во все предшествующее время они не умели этого делать. «В инаугурационной речи президента Барака Обамы [январь 2009 г.] прозвучало понимание того, что Америке необходимо трансформироваться вместе с меняющимся миром... величие никогда не дается – его надо заработать» [9, с. 2]. То, что США из разряда «учителей» могут перейти в разряд «учеников» не противоречит «диалектике геополитического развития», ведь и СССР тоже некогда был «учителем» других. Даже президент США Б. Обама был вынужден признать, что кризис 2008–2009 гг. показал, что либеральный рынок полностью вышел из-под контроля США [7, с. 3].

По мнению А. Дугина, западная демократия является фарсом, в котором правит одна и та же политическая элита, а права человека вводятся к защите интересов маргиналов. «Идеология «прав человека» абсолютно аморальна, поскольку предполагает право на грех. Для православного это категорически неприемлемо!» [5, с. 8]. Кредо Вашингтона заключалось в том, что «Америка должна основывать свою политику на собственных интересах, имитируя уважение к чужим интересам» [3, с. 4].

О конечном провале претензий США на мировое доминирование российские аналитики писали еще в самом начале 2000-х гг. [13, с. 73–99]. США так долго самолюбовались своим мегавеличием, что не заметили, как якобы побежденная ею Россия, возродилась как птица Феникс из пепла советского прошлого. Мировая политическая история показывает, что империи всегда губили их формализм – формальное отношение к своим базовым ценностям. Еще И.А. Ильин отмечал, что именно «формальная демократия» с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами привела к возникновению тоталитаризма XX в. [6, с. 21]. В том, что тоталитаризм стал столь популярен во время т.н. «восстания масс», повинна и сама формальная демократия.

Мировой кризис был также во многом обусловлен ещё и тем, что в системе властных отношений произошел разрыв между формой и содержанием такой категории как «элита». То, что теперь именуется элитой, и то, чем она должна быть по исполнению своих цивилизационных обязанностей расходятся настолько, что вызывает среди элитологов замешательство. Элиты оказываются не на своих местах, т.е. тот, кто должен был бы быть элитой оказывается вне элитных групп, а те, кто в элите быть не должны, напротив входят в нее и занимают в ней руководящие позиции.

Но самое главное, политические элиты и мировые лидеры боятся говорить всю правду о себе и своем времени. Ещё министр иностранных дел СССР А.А. Громыко признавался, что, если бы он в своих мемуарах написал всю правду, мир бы перевернулся. Именно этого-то в первую очередь и боятся политики, хотя сами своими не-

продуманными и поспешными действиями переворачивают страницу истории индустриального века и открывают новую страницу – постиндустриализма. Данную ситуацию мы могли бы глобально описать как столкновение развитого индустриализма со своим будущим, в котором все устаревшие схемы (правила жизни вчерашнего дня) должны будут осыпаться как листва в осеннем лесу.

В условиях кризиса политики оказались неспособными принимать адекватные решения. Они не смогли решить ни одну проблему по формированию адекватного ответа на вызов нашего времени. Нынешний кризис – это кризис доверия к деньгам, как главной цивилизационной опоры (базовой ценности). Основные убытки несут финансисты, т.е. элита богатства. «Демон финансов» требует все новых и новых жертв, опасаясь при этом, что они могут на этот раз оказаться последними. Деньги – это допинг («опиум») для элиты богатства. В условиях «Великой рецессии» создаются условия для возникновения финансового нигилизма, поскольку биржевые и финансовые спекуляции стали главной угрозой для самой индустриальной цивилизации.

Роль денег была сильно завышена. Это стало последней главной спекуляцией развитого индустриализма, боящегося прихода реалий постиндустриального века. Возвеличивание роли денег – обман теряющей свою власть олигархов. Деньги как регулятор отношений утрачивают свою монополию на мир. Рента и рантизм изживают себя как модель поведения (за время кризиса 2008 – 2011 гг. деньги как система ценностей обесценились фактически в два раза). Именно финансы стали самым быстрым разносчиком кризисных явлений по миру. Но ради сохранения финансовой системы элита богатства (плутократия) готова пойти на любые жертвы, не исключая даже и войны.

Кризис подрывает доверие самой идеи капитализма. Очевидно, что и глобализация по-американски зашла в тупик. Эта глобализация вызвала глобальный финансово-экономический кризис, который является первым конкретным сигналом заката абсолютной власти плутократии. Олигархия, как главная движущая сила индустриального общества, кажется, себя полностью исчерпала. Этот кризис – является кризисом модели цивилизации. Именно поэтому нужно научиться использовать этот кризис для оптимизации перехода от развитого и уже перегретого индустриализма к постиндустриализму.

Столкновение развитого индустриализма со своим будущим. Современное состояние мировых элит может быть охарактеризовано одним общим диагнозом – кризис переходного периода. Большая часть нынешних властвующих элит застряли между двух эпох – между ценностями индустриального общества (которые всем им хорошо известны, но которые к их несчастью уже устарели) и требованиями постиндустриального общества (многим еще неведомого и потому весьма для них опасного). Опасность таится как на психологическом, так и на культурном и историческом уровне. Субъекты элит еще плохо себе представляют, с чем им придется столкнуться в будущем. Поэтому столкновение с постиндустриализмом для них может оказаться куда более опасным, чем напророченное С. Хантингтоном столкновение цивилизаций. Столкновение с новыми вызовами постиндустриального времени затрагивают сами принципы их существования и развития. Многие современные элиты не переживут этого рокового для них столкновения с новейшим временем.

Некоторые современные элиты в скором времени будут выглядеть в сравнении с передовыми элитами постиндустриальной эпохи как толпа правителей «ледникового периода» с абсолютно отсталым пещерным мышлением. И тогда столкновение цивилизаций покажется им доброй детской сказкой в сравнении с тем, с чем им предстоит иметь дело.

Политическая элита России рубежа столетий представляла собой постоянно обновляющуюся олигархию: старая олигархия времен президента Б.Н. Ельцина была успешно заменена новой олигархией президента В.В. Путина. В 1990–2000-е гг. борьба за власть в России фактически свелась к борьбе за контроль за денежными потоками, которые стали важнейшим элементом самой этой власти, а также к борьбе за возможности административного влияния, влияния на медийные ресурсы [10, с. 4]. Главная стратегическая задача политической элиты этого времени была и остается

олигархизация, когда деньги решают все, и все делается исключительно ради денег (очень больших денег!). Фактически это была не политическая элита (ибо политика никогда не являлась для нее основной формой существования, а была всего лишь прикрытием для ее коммерческой и чиновничьей деятельности), а олигархобюрократическая. Чиновники и нувориши выполняли (играли роль) функции политиков, активно выдавая себя за них. Поэтому по сути это была ложная политическая элита. Все так называемые «политики» были фактически «и.о.» политиками. Это была «игра в элиту», но не сама она.

Такая игра была еще возможна в условиях развитого индустриализма, но возможна ли она в условиях развивающегося постиндустриализма?¹ Переживаемый современностью мировой кризис, может быть вызван столкновением ценностей двух эпох, характеризующих собой две совершенно разные исторические эпохи – индустриальную и постиндустриальную. Противоречие между этими системами оказалось столь существенным, что привело к резкому падению эффективности одной системы, в то время когда «исторические акции» другой еще не завершили своего окончательного вызревания и оказались неготовыми полностью заменить пришедшую в негодность старую систему ценностей. Столкновение цивилизаций происходит не по уже написанному С. Хантингтоном сценарию, а идет по совершенно другому вектору. Это может быть столкновение более глобального, более фундаментального характера, чем просто конфликт историко-культурных типов. Это столкновение двух исторических эпох, из-за несоответствия систем их ценностей – индустриальной и постиндустриальной.

В качестве одной из причин можно назвать глобализация коммерциализации всей хозяйственной деятельности человека. При этом мы вправе предположить, что эта глобализация имела внутреннее несоответствие. Являясь атрибутом постиндустриального общества, глобализация использовала инструменты индустриального века (спекуляция ценными бумагами, англосаксонская [протестантская] либеральная идеология и т.д.). Вместо меритократии (элиты знания) господствующее положение по-прежнему занимала плутократия (элита богатства). Последнее обстоятельство и стало причиной того, что человеческий фактор сработал в «минус», а не в «плюс» – плутократия (она же олигархия) не смогла вовремя сформулировать адекватный ответ на вызов своего времени и решила воспользоваться своими старыми уже неоднократно апробированными приемами и методами. Кризис явно начался в головах и начался с того, что англосаксонская модель мироустройства возомнила себя единственно правильной и абсолютно непогрешимой моделью мирового развития.

Заявление западных аналитиков о том, что ведущие страны запада (США, Япония, ФРГ) к XXI в. уже вступили в фазу постиндустриального развития, были, скорее всего, преждевременными. Набор отдельных признаков постиндустриального общества ими был воспринят за уже сложившуюся систему. А как раз непрочность этой системы и проявил разразившийся в 2008 г. кризис. Поэтому этот кризис стал фактически следствием столкновения ценностей индустриализма и постиндустриализма, когда один мир уже перезрел (и находится в перегретом состоянии), но все еще силен своими стереотипами, а другой еще только, что зарождается (находится в не разогретом состоянии), и слабо ориентируется в своих новых ценностях. Это кризис перехода, когда происходит недиалектическое столкновение старого и нового. Время регулирует («притирает») эти качества.

---

¹ В самом преддверии постиндустриализма мир споткнулся о его порог и сильно ударился о косяк разразившимся мировым финансовым кризисом. Развитой индустриализм постучался в двери информационного общества, но повел себя как «слон в посудной лавке», когда его впустили в фойе. Все дело в том, что «слон» (как символ индустриализма) должен был превратиться в «мобильный телефон» (символа постиндустриализма). Но этого почему-то не случилось. Потому и оказалась разоренной лавка (символ мировой экономики).

От этого кризиса, в первую очередь, пострадали олигархи, а в выигрыше могут оказаться те, кто по формальным признакам входит в число меритократии, т.е. «элиты знания». Из самого этого фундаментального допущения мы можем вывести идею о том, что кризис призван снести прежнюю олигархическую модель устройства мира и воздвигнуть новую конструкцию, полностью отвечающую нуждам и потребностям постиндустриального общества. Эта новая архитектура будет истинной сутью постиндустриализма.

Разразившийся кризис, прежде всего, свидетельствует об общем кризисе западной либеральной идеи. И как раз в это самое время в политической риторике западных лидеров уменьшился объем их ранее весьма пространных рассуждений относительно свободы и демократии. Такой либерализм сам выхолащивает идею свободы, превращая ее в доктрину силы (точнее, сильнейшего). Войдя в кризис, западный либерализм действительно стал символом конца западной истории. Западный мир таким, каким все его помнили и понимали до этого, перестал существовать. *Конец истории* – это конец истории западной системы либеральных идей, совсем еще недавно считавшихся незыблемым бастионом западной демократии. Сама демократия тоже оказалась под жесткой критикой и на Западе вновь заговорили о ее кризисе. *Кризис демократии* – выражается в кризисе инструментов ее самоидентификации. Долгое время витриной западной демократии были США. Но чем глубже американское общество ввязывалось в постиндустриализм, тем больше аналитики начинали говорить о мутации его демократических институтов – систему называли то «косвенной демократией», то «соревновательно-выборной олигархией», то «имперской республикой» (А.С. Панарин). Все эти частные кризисные явления выстраиваются в некую систему, что уже дало основание некоторым аналитикам говорить о том, что перед нами самый настоящий системный кризис западной модели цивилизации. Вместо заката Европы мы ныне зрим закат западной (точнее, англосаксонской) модели капитализма, имперской по самому своему характеру и псевдodemократической по своей сути.

Данный кризис стал максимально суммированным вызовом нашего времени. Кризис скорректирует взаимоотношения индустриального и постиндустриального мира, и скорректирует их в пользу последнего. Это значит усиление меритократического и ослабление роли олигархического. Посткризисный мир должен стать постиндустриальным в большей мере, чем он был до этого. Иначе переходный период может принять неопределенно временное измерение, т.е. мы будем жить в эпоху перманентных и неперспективных перемен. Падение власти плутократии будет возможным в том случае если против «верхов» объединится весь «средний класс» вне зависимости от государственной, национальной или какой-либо другой принадлежности. Именно он может стать новым «революционным классом» постиндустриальной революции.

Кредо господствующей парадигмы западной европейской экономической теории («мейнстрим») – «рынок – это всё», служит на самом деле теоретическим оправданием господства в политико-экономической сфере «элиты богатства» или олигархии. Где власть – там и большие деньги. Финансовый кризис, прежде всего, ударил именно по олигархам. Так к концу 2008 г. многие всерьез заговорили об обнищании российских олигархов. По подсчетам аналитиков их состояние за это время уменьшилось от 5 до 10 раз (*Известия*. 23.12.2008. № 240 (27765). С.1,7). По данным «Форбс», за последние 5 месяцев 2008 г. состояние 25 богатейших россиян снизилось на 230 млрд долл., или на 62 % (*Аргументы и факты*. 22-28.10.2008. №43 (1460). С.11). Саму Америку сотрясли громкие судебные скандалы, связанные с финансовыми пирамидами и «мыльными пузырями» бывших локомотивов американской экономики. Поэтому можно с полным основанием сказать, что кризис 2008 г. стал самой настоящей катастрофой для олигархов. И данный кризис может стать «могильщиком олигархии», той самой олигархии, которую все хорошо знают капитана корабля индустриального мира.

Кризис уже породил свою символику: «нищий олигарх», разорившийся банк, крах монополярной геополитической модели, «G 20», ипотека, «финансовые пира-

миды», и т.д., и, наконец, сам кризис, как некий феномен, а не просто какой-то частный случай. В символах кризис может выглядеть гораздо более зловеще, чем быть на самом деле. Но именно символ создает те самые краски, посредством которых и узнается это явление сейчас и спустя какое-то время. Однако вопрос о том, как поведет себя вся эта новоявленная символика все ещё остается открытым, ибо прирост символической массы в век виртуальных технологий имеет гораздо большую скорость, нежели в прежнее время. Немаловажное значение имеет и то, что эти символы часто носят мифологический, а не реалистический характер. Мифы, связанные с кризисом все чаще начинают выдаваться и приниматься за его реальные черты.

Вокруг вышеуказанного конфликта уже начинает складываться и активно действовать своя особая мифология. Многие страхи и риски оказались также чрезмерно «раздутыми», так и некоторые «мыльные пузыри» финансовых пирамид. На страхах, связанных с кризисом, уже начали играть многие спекулянты. Мифы плодят сами политики, давая противоречивые оценки и прогнозы текущего кризиса. Их мнения порой даже не успевают вызреть до уровня самостоятельной политической идеи, а калейдоскопически чередуются, принимая подчас весьма причудливые формы. Невзрелые идеи чаще всего и становятся мифологическим бульоном, который скорее всего мешает, чем помогает увидеть сущность рассматриваемого явления.

У политических элит наступает период трансформации, связанный с указанным историческим противостоянием. Ситуация действительно может быть охарактеризована как смена «восстания масс» восстанием элит, как смены доминации исторического количества доминацией исторического качества. Столкновение ценностей олигархии и меритократии обусловлено стагнацией в развитии «первых» и болезнью роста «последних», когда старое уже не может, а новое еще не в состоянии преодолеть кризис в вызове своего времени. Но последнее слово всегда остается за теми, кто определяет будущее. А будущее за постиндустриализмом.

Нынешний тип политических элит ориентирован на ценности индустриального общества и всё ещё плохо представляет себе ценности постиндустриализма. Вызовы и угрозы, которые несет XXI в. могут оказаться для нынешнего типа элит катастрофическими. Для России XXI столетие будет означать не только научно-техническую модернизацию, но и поиск адекватных ответов на этнополитические проблемы, служащие угрозой ее национальной безопасности. Особенно это будет касаться Юга России, и в частности Кавказско-каспийского сектора, там, где постоянно существует напряженность межконфессиональных столкновений. На смену «натиска с Запада» придет (или уже пришел!) «натиск с Востока», и Россия вновь окажется форпостом западной цивилизации. Именно решение задач данного геополитического вектора, во многом будет способствовать упрочению социально-политической стабильности российского государства.

Список литературы

1. Блинов А. Обама слушает соседей / А. Блинов // Независимая газета. – 16 апреля 2009. – № 78 (4710). – С. 7.
2. Воскобойников Д. В преддверии 2009-го / Д. Воскобойников // Известия. – 29 декабря 2008. – № 244 (27769). – С. 6.
3. Горбачев М. «Неудачник» или «человек столетия»? / М. Горбачев // Аргументы и факты. – Март 2006. – № 9 (1322). – С. 4.
4. Дискин И. «Непонятно, как «сдувать» пузыри в триллионы долларов / И. Дискин // Известия. – 10–12 апреля 2009. – № 61 (27832). – С. 6.
5. Дугин А. Либералов – к стенке! // Аргументы и факты. – 27 мая - 2 июня 2009. – № 22 (1491). – С. 8.
6. Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи / И. А. Ильин. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с. – С. 21.
7. Колесников А. Дружить надо. Барак Обама позавтракал с Владимиром Путиным / А. Колесников // Коммерсантъ. – 08 июля 2009. – № 121 (4176). – С. 3.
8. Лефко Т. Переломный момент / Т. Лефко // Российские вести. – 29 апреля 2009. – № 16 (1958). – С. 6.

9. Медведев Д. «Ближайший приоритет – возобновление разоруженческого процесса» / Д. Медведев // Известия. – 2 апреля 2009. – № 55 (27826). – С. 2.
10. Митрофанов А. «Путину придется менять команду» / А. Митрофанов // Общая газета. – 6–12 декабря 2001. – № 49 (435). – С. 4.
11. Орлов Д. «Это долгосрочный поворот, и процесс будет длительным» / Д. Орлов // Известия. – 10–12 апреля 2009. – № 61 (27832). – С. 6.
12. Павловский Г. «Система Медведева – Путина выдержала кризис» / Г. Павловский // Известия. – 10–12 апреля 2009. – № 61 (27832). – С. 6.
13. Уткин А. И. США: что после гегемонии? / А. И. Уткин // Советы по внешней политике. – 2001. – № 2. – С. 73–99.
14. Хомяков В. Стилистически Путин и Медведев – это очень разные фигуры / В. Хомяков // Известия. – 10–12 апреля 2009. – № 61 (27832). – С. 6.

References

1. Blinov A. Obama slushayet sosedey / A. Blinov // Nezavisimaya gazeta. – 16 aprelya 2009. – № 78 (4710). – S. 7.
2. Voskoboynikov D. V preddverii 2009-go / D. Voskoboynikov // Izvestiya. – 29 dekabrya 2008. – № 244 (27769). – S. 6.
3. Gorbachev M. «Neudachnik» ili «chelovek stoletiya»? / M. Gorbachev // Argumenty i fakty. – Mart 2006. – № 9 (1322). – S. 4.
4. Diskin I. «Neponyatno, kak «sduvat» puzyri v trilliony dollarov / I. Diskin // Izvestiya. – 10–12 aprelya 2009. – № 61 (27832). – S. 6.
5. Dugin A. Liberalov – k stenke! // Argumenty i fakty. – 27 maya - 2 iyunya 2009. – № 22 (1491). – S. 8.
6. Ilin I. A. O gryadushchey Rossii: Izbrannye stati / I. A. Ilin. – M.: Voenizdat, 1993. – 368 s. – S. 21.
7. Kolesnikov A. Druzhit nado. Barak Obama pozavtrakal s Vladimirom Putinyom / A. Kolesnikov // Kommersant. – 08 iyulya 2009. – № 121 (4176). – S. 3.
8. Lefko T. Perelomnyy moment / T. Lefko // Rossiyskie vesti. – 29 aprelya 2009. – № 16 (1958). – S.6.
9. Medvedev D. «Blizhayshiy prioritet – возобновление razoruzhencheskogo protsessa» / D. Medvedev // Izvestiya. – 2 aprelya 2009. – № 55 (27826). – S. 2.
10. Mitrofanov A. «Putinu pridetsya menyat komandu» / A. Mitrofanov // Obshchaya gazeta. – 6–12 dekabrya 2001. – № 49 (435). – S. 4.
11. Orlov D. «Eto dolgosrochnyy povorot, i protsess budet dlitelnyom» / D. Orlov // Izvestiya. – 10–12 aprelya 2009. – № 61 (27832). – S. 6.
12. Pavlovskiy G. «Sistema Medvedeva – Putina vyderzhala krizis» / G. Pavlovskiy // Izvestiya. – 10–12 aprelya 2009. – № 61 (27832). – S. 6.
13. Utkin A. I. SShA: chto posle gegemonii? / A. I. Utkin // Sovety po vneshney politike. – 2001. – № 2. – S. 73–99.
14. Khomyakov V. Stilisticheski Putin i Medvedev – eto ochen raznye figury / V. Khomyakov // Izvestiya. – 10–12 aprelya 2009. – № 61 (27832). – S. 6.